

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

1868

І Ю Л Ъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ. Актовые налоги. В. П. Безобразова.
- II. ХРИЗО. Разказъ изъ критской жизни. К. Н. Леонтьева.
- III. ВЕНГЕРСКІЯ СТЕПИ. Отрывокъ изъ путевыхъ воспоминаній. Н. А. Попова.
- IV. РУССКАЯ СТАРООБРЯДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА ГРАНИЦЕЙ. I—II. Н. И. Субботина.
- V. ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ. II. В. Анненкова.
- VI. ЗАВОЕВАНІЕ ТУРКЕСТАНА. I. Львова.
- VII. ИДИОТЪ. Романъ. Окончаніе второй части. Ф. М. Достоевскаго.
- VIII. ЗА ВОЛГОЙ. Разказъ. Гл. VII—XVII. Андрея Печерскаго.
- IX. ЗАМѢТКА НА СТАТІЮ „ОСАДА УРА-ТЮБЕ И ДЖИ-ЗАГА“. Н. Рененкампа.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- МОЯ НЕВѢСТКА. Романъ. Окончаніе. Переводъ съ англійскаго.
- ЛУННЫЙ КАМЕНЬ. Романъ. Соч. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Періодъ второй: окончаніе 1-го разказа; разказъ 2-й; разказъ 3-й, гл. I—IV.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о).
На Страстномъ бульварѣ.

1868.

ЗАВОЕВАНИЕ ТУРКЕСТАНА

Записки по средне-азиатскому вопросу, Д. И. Романовскаго.
Спб. 1868 г.

Тысяча восемьсотъ шестьдесятъ четвертый годъ положилъ начало той рѣшительной дѣятельности въ Средней Азiи, которая привела насъ къ занятію почти всей долины рѣки Сыра и къ непосредственному столкновенію съ Бухарой. Съ этого времени среднеазиатскія дѣла представляютъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе значенія, возбуждаютъ все болѣе и болѣе интересъ. Теперь едва ли въ комъ-либо возбудить сомнѣніе мысль, что будущее нашей промышленности и торговли во многомъ зависитъ отъ того, въ каксой мѣрѣ мы сумѣемъ приурочить къ себѣ обширные и многочисленные рынки, непосредственно прилегающіе ко вновь завоеваннымъ землямъ. При такомъ обширномъ интересѣ въ будущемъ, понятна забота о цѣлесообразномъ устройствѣ края въ настоящемъ и о выработкѣ системы, которая могла бы служить руководствомъ для будущихъ дѣятелей въ Средней Азiи и согласовалась бы съ истинными интересами Россіи. Главная причина, почему не можетъ выработаться опредѣленная система, установиться опредѣленный взглядъ, кроется въ весьма ощутительномъ недостаткѣ свѣдѣній о край, недавно нами занятомъ. Вышедшія нѣсколько времени тому назадъ *Записки по средне-азиатскому вопросу* знакомятъ насъ съ ходомъ завоеванія Туркестана. Книга эта имѣетъ особый интересъ еще и потому, что принадлежитъ перу Д. И. Романовскаго, замѣстившаго генерала Черняева въ званіи военнаго губернатора Туркестанской области и приведшаго край въ тѣ границы, въ которыхъ онъ теперь

находится. Генераль Романовскій, какъ человекъ лично управлявшій краемъ, былъ посвященъ въ виды правительства при завоеваніи края, и въ книгѣ своей онъ сообщаетъ много чрезвычайно интересныхъ данныхъ, проливающихъ свѣтъ на это событіе. Главные выводы автора заключаются въ томъ: 1) что подлженіе, котораго мы достигли въ Средней Азiи по 1867 годъ, во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе того, въ какомъ мы находились тринадцать лѣтъ назадъ, и что въ настоящее время среднеазиатское дѣло гораздо болѣе въ рукахъ у правительства чѣмъ когда-либо прежде; и 2) что расширеніе нашихъ владѣній въ странахъ Средней Азiи, остановленное въ должныхъ предѣлахъ, не потребуетъ никакихъ чрезвычайныхъ жертвъ и затратъ, тяжелыхъ для государства. Отдаемъ полную справедливость интересу, который возбуждаютъ *Записки по средне-азиатскому вопросу*, хотя съ личными воззрѣніями автора мы и не всегда согласны.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду изложить послѣдовательно, ссылаясь преимущественно на фактахъ сообщаемыхъ въ *Запискахъ* генерала Романовскаго, обстоятельства, приведшія насъ къ занятію почти всего теченія Сыръ-Дарьи, и указать взгляды правительства и частныхъ начальниковъ, возникшіе по мѣрѣ покоренія края.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія началось наше движеніе въ степь устройствомъ въ Западной Сибири внѣшнихъ округовъ, послѣ чего обстоятельства вынуждали углубляться въ степь болѣе и болѣе, то возводя тамъ укрѣпленія, то учреждая отдѣльные посты, то устраивая военныя поселенія. Въ пятидесятыхъ годахъ граница наша со степями требовала для своего охраненія, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльных укрѣпленій, около 400 тыс. казачьихъ поселенныхъ въ йскъ и 23-хъ линейныхъ батальоновъ; при всемъ томъ она была открыта на огромныя пространства: такъ, пространство отъ Ново-Петровскаго укрѣпленія до Аральскаго моря, въ 600 верстъ, и отъ форта Перовскаго до укрѣпленія Илійскаго, въ 1.000 верстъ, было оставлено безъ всякой обороны. Смуты, производимыя кочевниками, стѣсненія, чинимыя русскимъ купцамъ на азиатскихъ рынкахъ, и въ особенности набѣги на нашу территорію со стороны Кокана, не могли быть оставлены нами безъ вниманія. Въ 1854 году составленъ былъ въ

Петербургъ комитетъ, къ участию въ которомъ приглашены были тогдашніе генералъ-губернаторы Западной Сибири и оренбургскій, для обсужденія устройства нашихъ юго-восточныхъ границъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости соединенія вновь устроенной тогда Сыръ-Дарьинской линіи съ новою же передовою сибирскою границей.

Восточная война отсрочила на нѣсколько лѣтъ приведеніе этого плана въ исполненіе, а между тѣмъ безпокойства со стороны соседнихъ ханствъ заставили насъ съ 1854 по 1863 г. волей-неволей способствовать приведенію рѣшенія комитета въ исполненіе и все глубже и глубже вдаваться въ степь. Въ это время занятъ былъ Заилійскій край, и у самой подошвы Тянь-Шанскаго хребта построено укрѣпленіе Вѣрное, а въ 1860 году были взяты и уничтожены генералъ-маіоромъ Циммерманомъ коканскія укрѣпленія Токмакъ и Пипнекъ. Произведены рекогносцировки долины рѣки Чу и укрѣпленія Ауліета. Со стороны Оренбурга въ 1859 году построено укрѣпленіе Джулекъ, и произведена рекогносцировка Сыръ-Дарьи и Каратаускихъ горъ. Въ 1863 году генералъ-лейтенантомъ Дебу взято коканское укрѣпленіе Яны-Курганъ. Съ этими приобрѣтеніями предположенное соединеніе сибирскихъ и оренбургскихъ линій облегчалось и оказывалось ужь существенно необходимымъ, и правительство рѣшилось, наконецъ, привести это предположеніе въ исполненіе. Въ началѣ 1864 года командированы были съ этою цѣлью отряды—со стороны Западной Сибири генерала Черняева, со стороны Оренбургскаго края—генерала Веревкина. Оба отряда были весьма не велики численностью, и въ главномъ изъ нихъ, отрядѣ генерала (въ то время полковника) Черняева, было всего 8 ротъ пѣхоты, три казачьи сотни, два дивизіона артиллеріи и взводъ горной артиллеріи. Все число людей въ этомъ отрядѣ, совершившемъ рядъ удачныхъ и трудныхъ предпріятій, вмѣстѣ съ офицерами, чиновниками и нестроевыми, было при выступленіи его въ походъ въ началѣ мая 2.503 человекъ. 2-го іюня отрядъ этотъ выступилъ подъ Ауліету, и послѣ необходимыхъ приготовленій, не начиная никакихъ траншейныхъ работъ, взялъ эту крѣпость штурмомъ. На штурмѣ захвачено въ плѣнъ 390 человекъ, большею частію

сарбазовъ. Со стороны Оренбургскаго края генералъ Веревкинъ, 9-го іюня, перейдя рѣку Карайчикъ, двинулся на городъ Туркестанъ и немедленно открылъ осадныя работы; послѣ четырехдневныхъ работъ и канонады (выпущено 43.208 выстрѣловъ) и отраженія вылазки, гарнизонъ вышелъ тайно изъ крѣпости, а городъ сдался русскимъ войскамъ. Этими дѣйствіями предположенное правительствомъ соединеніе линій не только было окончено, но взятіемъ Туркестана пограничная линія пошла нѣсколько впереди проектированной.

18-го іюля, въ видѣ временной мѣры, состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи изъ вновь занятыхъ земель передовой коканской линіи, съ назначеніемъ начальникомъ ея генералъ-маіора Черняева, который, воспользовавшись подчиненіемъ ему войскъ, дѣйствовавшихъ съ обѣихъ сторонъ, и находя, что включеніе Чемкента въ составъ новой линіи послужитъ во всѣхъ отношеніяхъ ей въ пользу, двинулся подъ Чемкентъ и 21-го сентября занялъ открытою атакой и городъ, и цитадель. Въ послѣдствіи правительство совершенно одобрило сдѣланный имъ шагъ. Генералъ Романовскій также одобряетъ избраніе этого направленія для передовой линіи и находитъ его болѣе выгоднымъ нежели прежде проектировавшіяся, такъ какъ мы владѣли не только сильною позиціей въ военномъ отношеніи, но съ занятіемъ Ауліеты, Туркестана и Чемкента приобрѣтали плодородный оазисъ, вполне обезпечивавшій содержаніе войскъ и отдѣлявшійся отъ слѣдующаго оазиса, гдѣ расположенъ Ташкентъ, незначительнымъ, но голымъ и незаселеннымъ горнымъ хребтомъ. Генералъ Романовскій утверждаетъ, что правительство было весьма довольно достигнутыми результатами и искренно желало на этомъ остановиться.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣла на этомъ бы и остановились, еслибъ интересы Россіи не столкнулись на одномъ и томъ же пути съ интересами бухарскаго эмира.

Почти тотчасъ же по взятіи Чемкента, генералъ Черняевъ получилъ извѣстіе, что Ташкентъ вступилъ въ сношеніе съ бухарскимъ эмиромъ. Русскій генералъ немедленно двинулся на этотъ городъ буквально съ горстью людей (1.550 человекъ при 12-ти орудіяхъ). По малочисленности войскъ, онъ не имѣлъ въ виду овладѣть такимъ огром-

вымъ городомъ какъ Ташкентъ, гдѣ на пространствѣ 40 верстъ въ окружности живетъ до 100.000 населенія; но увѣдомляемый постоянно, съ самаго начала похода, что это населеніе, мирное, промышленное, живущее преимущественно торговлей съ Россіей, сильно тяготится настоящими военными дѣйствіями, во всемъ обвиняетъ господствующихъ въ Коканѣ Кипчаковъ, желаетъ мира, а большинство жителей и русскаго подданства, — онъ думалъ воспользоваться впечатлѣніемъ чемкентскаго погрома, лишившаго ханство артиллеріи, изгнать изъ Ташкента коканскій гарнизонъ и удержать городъ, еслибы жители высказались въ нашу пользу. Слѣдующій годъ показалъ, что Черняевъ въ этомъ не ошибался, но походъ былъ преждевремененъ и не удался: двинувшіеся на штурмъ подполковники Обухъ и Дерке были отбиты. Вслѣдъ затѣмъ Коканцы вторглись въ наши предѣлы, но были отбиты (дѣло Сѣрова) и успѣли овладѣть только селеніемъ Иканы.

Правительство не одобрило предположенія генерала Черняева относительно взятія Ташкента. Генералъ Крыжановскій, назначенный тогда оренбургскимъ генералъ губернаторомъ, долженъ былъ въ теченіе лѣта объѣхать вновь завоеванный край и представить правительству свои соображенія о будущей дѣятельности во вновь занятомъ краѣ.

Между тѣмъ, въ ожиданіи прибытія генерала Крыжановскаго, дѣла въ краѣ приняли неожиданный оборотъ. До того времени мы вели борьбу съ однимъ Коканомъ. Бухарскій эмиръ, не вмѣшиваясь въ борьбу непосредственно, воспользовался однако ею для занятія части коканскихъ земель по ту сторону Сыръ-Дарьи. Когда русскія войска отступили отъ Ташкента осенью 1864 года, эмиръ окончательно задумалъ овладѣть имъ, пользуясь слабостью Кокана и кажущейся нерѣшительностію Русскихъ. Еслибы это состоялось, то имѣло бы несомнѣннымъ послѣдствіемъ подчиненіе всего Кокана Бухарѣ и образованіе одного сильнаго бухарскаго ханства вмѣсто двухъ слабыхъ. Тогда бы Россія граничила въ своихъ чемкентскихъ предѣлахъ съ одною Бухарой, и борьба несомнѣнно была бы затруднительнѣе той, которая разыгралась на нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы.

Въ апрѣлѣ 1865 года генералъ Черняевъ получилъ свѣдѣ-

нія о сборѣ бухарскихъ войскъ подъ Ура-Тюбе и о намѣреніи эмира овладѣть Ташкентомъ. Изъ вѣрныхъ источниковъ было также извѣстно, что Ташкентцы недовольны коканскимъ правительствомъ, и можно было думать, что овладѣніе городомъ не представило бы значительнаго труда. Извѣстіе это побудило генерала двинуться подъ Ташкентъ и предупредить эмира. Такимъ образомъ, съ одной стороны, правительство не одобряло этого движенія, и генералъ Черняевъ долженъ былъ выждать прибытія оренбургскаго генералъ-губернатора, съ другой — обстоятельства вызывали къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Генералъ Черняевъ рѣшился принять на себя всю тяжесть отвѣтственности, и не дожидаясь подкрѣпленій, двинулся въ концѣ апрѣля 1865 года изъ Чемкента къ Ташкенту. 29-го апрѣля онъ взялъ приступомъ крѣпость Ниязбекъ, владѣющую водами Ташкента, и 7-го мая расположился въ восьми верстахъ отъ Ташкента. Въ это время гарнизонъ этого города былъ значительно усиленъ, и Алимкулъ, правитель Коканскаго ханства, прибылъ на помощь городу. 9-го мая Черняевъ разбилъ Алимкула, вышедшаго съ 7.000 человекъ изъ Ташкента; Алимкулъ былъ смертельно раненъ. Послѣ этой побѣды, имѣя заявленія изъ города, что многіе жители добровольно хотятъ подчиниться Россіи, генералъ Черняевъ обратилъ вниманіе на то чтобы прервать сношенія бухарскаго эмира съ Ташкентомъ. Онъ послалъ къ эмиру письмо, которымъ приглашалъ его обратиться противъ Кокана, съ тѣмъ чтобы возвести на ханство своего тестя Худояра, для чего, въ случаѣ надобности, и по разрѣшеніи Государя Императора, обѣщалъ содѣйствіе русскихъ войскъ. Между тѣмъ въ Ташкентѣ успѣла взять верхъ бухарская партія; съ 9-го на 10-е іюня коканскій ханъ съ 200 своихъ приближенныхъ скрытно ушелъ изъ города, а бухарскій отрядъ успѣлъ пробраться въ городъ. Бухарецъ Исландеръ Бекъ принялъ начальство надъ гарнизономъ, и слухи о движеніи эмира дѣлались день ото дня настойчивѣе. Генералъ Черняевъ рѣшился овладѣть Ташкентомъ открытою силой, и въ ночь съ 14-го на 15-е іюня городъ дѣйствительно былъ взятъ. И въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи подвигъ этотъ есть, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ. Въ день штурма отрядъ въ общемъ итогѣ имѣлъ 1.951 человекъ при 12-ти орудіяхъ. Этотъ отрядъ взялъ городъ со 100-тысячнымъ насе-

леніемъ, городская стѣна котораго имѣла 24 версты протяженія и оборонялась по крайней мѣрѣ тридцатью тысячами человекъ, и захватилъ 63 орудія. 17-го іюня къ генералу Черняеву явились аксакалы и почетные жители города и изъявляли полную готовность подчиниться русскому правительству. Городъ сдался безусловно.

Взятіе Ташкента возбудило два важные вопроса: что дѣлать съ новымъ завоеваніемъ и гдѣ назначить границу Россіи съ ханствами?

Многимъ въ настоящее время покажется, быть-можетъ, страннымъ, что, по завоеваніи Ташкента Русскими, была мысль объ образованіи изъ него азіатскаго ханства. *Замѣтки по средне-азіатскому вопросу* разъясняютъ это дѣло. Въ 1864 году, послѣ неудачнаго похода подъ Ташкентъ, генералъ Черняевъ представлялъ правительству о необходимости взятія города, но получилъ отказъ. Тогда онъ остановился на мысли объ отдѣленіи Ташкента отъ Кокана и образованія изъ него самостоятельнаго владѣнія. Мысль понятная, при осуществленіи которой Коканское ханство раздѣлилось бы на два, и вмѣсто сильнаго сосѣда мы имѣли бы около себя слабое владѣніе, болѣе или менѣе отъ насъ зависимое. При этомъ должно замѣтить, что мысль эта развивалась до взятія Ташкента, когда наши понятія о завоеванной странѣ и характерѣ ея жителей были весьма слабы. Когда же генералъ Черняевъ овладѣлъ Ташкентомъ, то скоро увидѣлъ несостоятельность своего предварительнаго предположенія и изложилъ оренбургскому генералъ-губернатору причины, по которымъ Ташкентъ слѣдуетъ просто принять въ русское подданство, и почему образованіе изъ него ханства представляетъ однѣ невыгоды. Въ донесеніи своемъ, отъ 6-го августа 1865 года, онъ писалъ генералу Крыжановскому:

„Хотя я въ прошедшемъ году и заявилъ о необходимости образованія изъ Ташкента самостоятельное ханство, безъ присутствія здѣсь нашихъ войскъ, но долженъ сознаться, что ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла и характеромъ Ташкентцевъ, я убѣдился въ неудобопримѣнимости этого предположенія на практикѣ. Главное, что побудило меня къ заявленію этой мысли, были мнимыя затрудненія, которыя должны были представиться намъ для удержанія въ повиновеніи этого многолюднаго города и устройства въ немъ полиціи. Соображая численность войскъ,

употребляемыхъ для карауловъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и огромныя суммы, издерживаемыя на содержаніе полиціи, я не могъ себѣ представить, чтобы Ташкентъ съ его 200.000 мусульманскимъ населеніемъ, стекающимся для торговли со всѣхъ концовъ Азіи, потребовалъ бы такъ мало войскъ и денегъ для удержанія въ немъ спокойствія и порядка.

„Опытъ убѣдилъ меня, что если предоставить жителямъ самоуправленіе, то для охраненія спокойствія и полного повиновенія достаточно имѣть здѣсь, въ особой отъ города цитадели, одинъ баталіонъ и двѣ сотни; полиція можетъ быть предоставлена самимъ жителямъ.

„Черезъ недѣлю по взятіи города штурмомъ, полное спокойствіе и порядокъ водворились безъ всякаго почти съ нашей стороны внимательства. Трудно себѣ представить глубокое уваженіе жителей къ порядку и власти, которое можно развѣ встрѣтить въ странахъ самыхъ цивилизованныхъ. Полиція такъ хороша, что почти не бываетъ случаевъ, чтобы воровство или другое преступленіе не было открыто.

„Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, я полагалъ бы необходимымъ предоставить жителямъ самоуправленіе и внимательство наше ограничить только однимъ наблюденіемъ за должностными лицами, оставивъ за собой право мѣнять ихъ, если они не будутъ соотвѣтствовать своему назначенію.

„Образованіе изъ Ташкента отдѣльнаго ханства съ вассальнымъ подчиненіемъ Россіи, по моему мнѣнію, въ настоящее время неудобноисполнимо. Ханъ, поставленный нашимъ правительствомъ, въ глазахъ народа будетъ тѣмъ же русскимъ чиновникомъ, которымъ управляются они и теперь, но съ тою разницей, что власть нашего чиновника они признають, потому что видятъ за ней силу; власть же хана можетъ быть только номинальною. Чтобы онъ имѣлъ значеніе, необходима та же военная сила, и въ результатѣ выйдетъ, что мы только лишимся доходовъ, которые будутъ поглощаться на содержаніе хана.“

Но генералъ-адъютантъ Крыжановскій, усвоивъ себѣ прежнее мнѣніе объ образованіи самостоятельнаго ханства, настаивалъ на его осуществленіи (*Замѣтки*, стр. 35). Оренбургскій генералъ-губернаторъ прибылъ въ Туркестанскую область въ сентябрѣ. Жители Ташкента, въ безпокойствѣ о своей судьбѣ, подали 18-го сентября адресъ, въ которомъ высказали слѣдующее:

„Мы, жители города Ташкента, признавая надъ собой власть Великаго Государя, поступили подъ Его покровительство.

„При этомъ милостиво объявлено было намъ, что ташкентскіе жители хотя и подчинились управленію русскаго

правительства, но оно желаетъ, чтобъ управление это оставалось, попрежнему, въ нашихъ же рукахъ, и что для этого мы сами должны изъ среды себя назначать начальникомъ кого пожелаемъ.

„Хотя такое милостивое предложеніе и много обрадовало насъ, за что приносимъ нашу благодарн. съ, но съ извиненіемъ должны замѣтить, что назначить начальника изъ среды себя для службы Великому Государю было бы съ нашей стороны слишкомъ *самонадѣянно и неумѣтно*; исполняя же волю начальства, докладываемъ слѣдующее:

„До свѣдѣнія нашего доходило, что въ Россіи всѣ дѣла магометанъ по части духовной находятъ въ заведываніи господина муфтія; почему и мы желали бы, чтобы подобныя дѣла по шаригату нашему находились въ вѣдѣніи нашего казы-кулы, съ тѣмъ, что никто бы въ его распоряженіе не вмѣшивался, исключая лишь одного лица, которое, по опредѣленію высшаго начальства, будетъ находиться только въ качествѣ посредника и оказывать намъ свое покровительство; въ такомъ же случаѣ мы не имѣемъ надобности въ начальникѣ, изъ нашей среды выбираемомъ, и опасаемся, что подобное назначеніе *можетъ произвести въ народѣ большіе безпорядки, породить зло и несправедливости*.

„Поэтому поставили просить: всѣ дѣла по шаригату поручить заведыванію нашего казы-кулы; опредѣленіе въ Ташкентѣ и въ мѣстахъ, подчиненныхъ его управленію: казыевъ (судей), оялашовъ, муфтіевъ, ряшовъ, мутавіевъ и имамовъ предоставлять также усмотрѣнію и выбору того же казы-кулы съ утвержденія генерала Черняева, а назначеніе зякетгіевъ, курашіевъ и аксикаловъ и тому подобныхъ служащихъ лицъ предоставлять волѣ генерала Черняева, и, кромѣ того, главное управленіе дѣланіемъ населеніемъ поручить генералу же Черняеву, такъ какъ онъ находится въ продолженіе двухъ лѣтъ въ этихъ краяхъ и по завладѣніи Ташкентомъ былъ такъ снисходителенъ къ его жителямъ, что за зло творилъ имъ добро, и никто изъ Ташкентцевъ не былъ обиженъ; при этомъ же генералъ Черняевъ очень хорошо знаетъ здѣсь всѣхъ отъ мала до велика, и хорошихъ и дурныхъ.

„Всѣ лица, занимающія какъ высшія, такъ и низшія мѣста въ провинціи, подчиняясь управленію Ташкента, должны, не въслѣдствіе ихъ заявленія, а исключительно по усмотрѣнію и утвержденію генерала Черняева, получать свои назначенія; мѣра эта необходима для того единственно, чтобы лица эти были лично извѣсны ташкентскому начальнику и чрезъ то не происходило никакихъ безпорядковъ.“

Адресъ этотъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ показываетъ трезвый и правильный взглядъ Ташкентцевъ съ первыхъ дней завоеванія на ихъ отношенія къ Россіи.

Вѣдѣніе духовныхъ дѣлъ лицомъ духовнымъ, при контролѣ въ назначеніяхъ на должности со стороны старшаго начальника въ краѣ, и назначеніе прямо послѣднимъ всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ по собственному усмотрѣнію, — вотъ основанія, изложенныя въ адресѣ. При такомъ взглядѣ старшинъ, между новыми подданными и правительствомъ легко могли установиться самыя прочныя, основанныя на взаимномъ довѣріи, отношенія.

При разногласіи во мнѣніяхъ туркестанскаго военнаго губернатора и оренбургскаго генералъ-губернатора, высшимъ правительствомъ было рѣшено, для основательнаго обсужденія возникшихъ недоумѣній по устройству нашихъ средне-азиатскихъ дѣлъ, вызвать въ Петербургъ обоихъ генераловъ, и при содѣйствіи особаго комитета, назначеннаго изъ лицъ, спеціально занимавшихся средне-азиатскими дѣлами и коротко съ ними знакомыхъ, постановить окончательное рѣшеніе. Читателямъ извѣстно, что рѣшеніе состоялось въ пользу присоединенія Ташкента къ Россіи.

Другой вопросъ, возникшій вмѣстѣ съ завоеваніемъ Ташкента, состоялъ въ томъ, гдѣ положить границу Россіи съ ханствами. Наше правительство громко высказалось противъ завоеваній и приобрѣтеній; но въ то же время, оставляя за собой Ташкентъ, мы не могли проложить границу непосредственно за этимъ городомъ, положимъ по Чирчику, такъ какъ значительная часть ташкентскихъ полей находится по ту сторону Чирчика; необходимо было отодвинуть ее значительно далѣе и именно на Сыръ-Дарью. Такой границы требовали причины мѣстныя и политическія. Долина Чирчика необыкновенно плодородна. Хлѣбопашество особенно развито на лѣвой сторонѣ рѣки, гдѣ засѣваются огромныя поля риса, имѣющаго сбытъ въ Ташкентѣ. Граница по Сыръ-Дарьѣ обезпечивала плаваніе нашихъ пароходовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы становились у воротъ Коканскаго ханства и могли открыть свободный доступъ нашимъ караванамъ въ Кашгаръ. Мѣстные жители также не допускали иной границы. Въ поданномъ 18-го сентября адресѣ Ташкентцы писали: „Оставляя генерала Черняева во главѣ управленія населеніемъ Ташкента, просимъ подчинить при этомъ его же власти и управленію тѣ мѣста, которыя входили прежде въ составъ этой территоріи, и границы ея составляли: съ восточной стороны: Иссыкъ-Куль, Иля, Учъ-Курганъ, до самаго мѣста

на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ; съ сѣвера: тоже Иля, Акъ-Мечеть, до Раимскаго укрѣпленія; съ запада: все пространство отъ начала до конца по теченію рѣки Сыръ-Дарьи, съ лѣвымъ ея берегомъ и съ укрѣпленіемъ Чардары; съ юга: тоже все пространство отъ начала до конца по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ.“

На основаніи этихъ соображеній, генераль Черняевъ полагалъ провести границу по Сыру, и въ послѣдствіи это предположеніе было также одобрено правительствомъ.

Взятіе Ташкента повлекло за собой сначала переписку, а потомъ и столкновение съ бухарскимъ эмиромъ. Эмиръ въ это время не только овладѣлъ Джузакомъ (или Джизагомъ) и Ура-Тюбе, но занялъ уже и Ходжентъ. Изъ этого города онъ обратился къ генералу Черняеву съ вопросомъ о причинахъ занятія Ташкента Русскими, заявляя съ своей стороны притязанія на этотъ городъ и *требуя* отступленія Русскихъ къ Чимкенту. Получивъ же письмо генерала Черняева, эмиръ потребовалъ, чтобы Русскіе не переходили до времени за рѣку Чирчикъ, протекающую невдалекѣ отъ Ташкента.

Съ своей стороны и мы сдѣлали враждебный шагъ противъ эмира. Черезъ девять дней послѣ занятія Ташкента, генераль Черняевъ потребовалъ немедленнаго задержанія всѣхъ каравановъ и подданныхъ бухарскаго эмира въ предѣлахъ Имперіи. Это требованіе было приведено въ исполненіе, и извѣстно, что оно имѣло только дурныя послѣдствія. Къ сожалѣнію, въ *Замѣткахъ по средне-азиатскому вопросу* мы не нашли ничего, что указывало бы на необходимость этой мѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что происки бухарской партіи не разъ обнаруживались послѣ взятія города, но въ *Замѣткахъ* на это нѣтъ указаній, и вопросъ этотъ остается доселѣ темнымъ. Правда, задержаніе бухарскихъ купцовъ было исполнено болѣе на бумагѣ нежели на самомъ дѣлѣ, такъ какъ почти всѣ задержанные возвратились изъ Оренбурга и Троицка домой къ началу 1866 года подъ именемъ преимущественно хивинскихъ, отчасти ташкентскихъ и киргизскихъ купцовъ, тѣмъ не менѣе мѣра эта имѣла тѣ же послѣдствія, какъ еслибы была исполнена на самомъ дѣлѣ. Нужно замѣтить, что торговля пользуется привилегированнымъ положеніемъ по понятіямъ Средне-Азіатцевъ. Торговля не прекращается тамъ даже и во время войны, когда купецъ точно такъ же спокойно ведетъ свой караванъ въ непріятельскую землю, какъ и

во время мира. Позднѣе, когда мы брали Ходжентъ и Ура-Тюбе, бухарскіе караваны совершенно свободно проходили въ Ташкентъ. Насиліе противъ купца, быть-можетъ, есть единственное насиліе, порицаемое всѣмъ составомъ азіатскаго населенія.

Сношенія съ бухарскимъ эмиромъ продолжались однако и по задержаніи его каравановъ. Такъ онъ послалъ Ишана-Ходжу къ Черняеву, для личныхъ переговоровъ, и просилъ о посылкѣ къ нему русскаго посольства, которое онъ обязывался возвратить въ 35-ти-дневный срокъ. Вскорѣ по отъѣздѣ изъ Ташкента генерала Крыжановскаго, посольство это направилось въ Бухару (19-го октября). Въ началѣ принимали его очень хорошо, но по пріѣздѣ въ Бухару, оно было задержано. Не получая отъ посланныхъ въ теченіе полутора мѣсяца никакихъ извѣстій и принимая живое участіе въ ихъ судьбѣ, генераль Черняевъ писалъ эмиру:

....„Имѣя свидѣніе, что одинъ изъ нихъ (посланныхъ) на дорогѣ умеръ, я послалъ къ нимъ нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ требовалъ донесенія, почему они меня не уведомили объ этомъ важномъ происшествіи, такъ какъ имъ извѣстно, что за cadaго человека я отдаю отчетъ моему Повелителю.

„Нарочный этотъ былъ на пути остановленъ, и ему передано, что посланные мои содержатся въ Бухарѣ подъ карауломъ и что къ нимъ запрещенъ доступъ кому бы то ни было.

„Не понимая значенія подобныхъ слуховъ и не имѣя до сихъ поръ никакихъ извѣстій отъ своихъ посланныхъ, тогда какъ вашимъ не запрещалось во время пребыванія въ Ташкентѣ отправлять нарочныхъ, я, вѣря въ дружбу вашего высочества къ моему могущественному Государю, долгомъ считаю довести о томъ до свѣдѣнія вашего высочества и просить разъяснить мнѣ это недоразумѣніе.“

Въ отвѣтномъ письмѣ бухарскій эмиръ съ совершенною откровенностью объяснилъ о причинахъ задержанія посольства:

„Было бы извѣстно, что вы просили о своихъ посланныхъ, но они въ добромъ здоровьи. Отъ насъ также было послано посольство къ вашему Царю, о которомъ я получилъ извѣстіе отъ пріѣхавшихъ изъ Россіи людей, что мои посланники до Царя не допущены, а задержаны гдѣ-то на

дорогѣ, чего нельзя позволить другу, по поволу сему я остановилъ и вашихъ посланниковъ. Посланники и до прежде не были обижаемы, и мы вашихъ посланниковъ нисколько не обижаемъ. Посланники же ваши до тѣхъ поръ будутъ здѣсь, пока мои посланники не явятся къ вашему Царю и не получатъ отвѣта. Когда отъ вашего Царя получитъ дружественное извѣстіе, тогда и посланниковъ вашихъ отпущу съ величайшимъ удовольствіемъ. Мѣсяцъ тягбанъ.“

Бухарскіе посланники, посланные эмиромъ въ Петербургъ, были остановлены въ фортѣ № 1-й оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, но отнюдь не были арестованы. Желаніе же эмира, въ порядкѣ дипломатическихъ сношеній, стать на равную ногу съ Русскимъ Императоромъ по меньшей мѣрѣ забавно. Для эмира, конечно, должно быть достаточно если ему предоставятъ вести переговоры съ ближайшимъ генералъ-губернаторомъ. Задержаніе же посольства изъ Ташкента показывало совершенное неуваженіе къ мѣстной русской власти, и еслибы генералъ Черняевъ отнесся къ этому хладнокровно, то его кредитъ, какъ правителя, былъ бы совершенно подорванъ среди мѣстнаго мусульманскаго населенія. Генералъ Черняевъ отвѣчалъ, что посылка посольства эмира въ Петербургъ можетъ состояться только по возвращеніи русскаго посольства и для поддержанія своего требованія двинулъ, въ видѣ демонстраціи, стрѣлковый баталіонъ съ четырьмя орудіями на переправу у Чиназа; когда все это не оказало должнаго дѣйствія, туркестанскій военный губернаторъ нашелъ нужнымъ двинуть войска въ Бухару, для поддержанія своихъ требованій. Предъ движеніемъ войскъ, онъ послалъ эмиру краткое извѣщеніе, въ которомъ говорилъ:

„Я иду не съ цѣлю завоеваній, а потому что въ Бухарѣ задержаны русскіе офицеры и этимъ оскорбленъ самъ Бѣлый Царь и всѣ 75 милліоновъ его подданныхъ; я долженъ идти, пока не встрѣчу своихъ посланныхъ, и возвращусь, когда ихъ встрѣчу.“

28-го января 1866 г. былъ переправленъ у Чиназа на ту сторону Сыръ-Дарьи отрядъ изъ 14 ротъ, шести сотенъ казаковъ и 16 орудій, съ артиллерійскимъ и инженернымъ парками. Отрядъ двинулся чрезъ голодную степь къ Джузаку. На второмъ переходѣ было получено письмо отъ эмира, въ которомъ говорилось, что посланныхъ онъ требуетъ въ

Самаркандъ и, по прибытіи, вышлетъ въ отрядъ. На это нашъ военачальникъ отвѣчалъ, что письмо застало его среди безводной степи, и что онъ идетъ впередъ до первой воды, гдѣ будетъ ждать посланныхъ, и 4-го февраля нашъ отрядъ дѣйствительно остановился подъ Джизагомъ. Дѣйствія подъ этимъ городомъ были нерѣшительны, и до самаго отступленія отряда шли переговоры съ Бухарцами, въ которыхъ обѣ стороны выказывали нежеланіе начать военныя дѣйствія, а между тѣмъ происходили нерѣшительныя же стычки у города. При такомъ образѣ дѣйствій движеніе нашихъ войскъ не могло достигнуть никакихъ результатовъ. Простоявъ шесть дней подъ Джузакомъ и получивъ третье письмо отъ эмира, подтверждавшее обязательство его о возвращеніи русскихъ посланныхъ, генералъ Черняевъ повелъ свои войска на Сыръ-Дарью. Время, конечно, раскроетъ намъ подробнѣ истинныя причины, побудившія русскій отрядъ къ отступленію, тѣмъ болѣе, что взятіе Джузака, тогда весьма слабо огражденнаго, не представляло большихъ трудовъ. Мы не можемъ согласиться, чтобъ этою причиною былъ недостатокъ продовольствія (*Запѣтки*, стр. 37), такъ какъ отрядъ имѣлъ съ собою продовольствія на мѣсяцъ (донесеніе генерала Черняева отъ 31-го января 1866 г.), или недостатокъ фуража, ибо фуражировки Фовицкаго и Назарова, 9-го февраля, были весьма удачны; къ тому же даже и отъ эмира было отдано приказаніе продавать Русскимъ дрова и сѣно (донесеніе генерала Черняева 19-го февраля 1866 года).

Походъ этотъ не имѣлъ никакихъ серіозныхъ послѣдствій. Бухарскій эмиръ и до него былъ одинаково враждебно расположенъ къ Россіи. Журналъ военныхъ дѣйствій и происшествій, съ 14-го февраля по 10-е апрѣля, помѣщенный въ книгѣ г. Романовскаго (стр. 187—191), лучше всего говоритъ, что дѣла съ бухарскимъ эмиромъ оставались попрежнему въ неопредѣленномъ положеніи. Точно такъ же какъ и прежде, онъ дѣлалъ приготовленія для войны съ Россіей, искалъ союзовъ въ Хивѣ и Кокандѣ, и не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Зато, если бухарскія шайки ограничивались въ это время ничтожными набѣгами, со стороны генерала Черняева было приведено въ исполненіе нѣсколько важныхъ мѣръ, какъ-то: занятіе зачирчинскаго края, для обезпеченія котораго былъ высланъ, въ послѣднихъ числахъ февраля, особый отрядъ (полковника Краевскаго) въ окрестности

Кереучи; устроена укрѣпленная переправа чрезъ Сыръ-Дарью у Чиназа; взята и разорена бухарская крѣпость Чардары, изъ которой легко было дѣйствовать на наши сообщенія.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о неудачахъ во время военныхъ дѣйствій вообще. Исторія представляетъ намъ весьма мало кампаній, гдѣ дѣйствія одной стороны являлись бы только цѣною побѣдъ и удачныхъ движеній. Судить о военныхъ дѣйствіяхъ должно не по тому, есть ли въ походѣ неудачное движеніе или нѣтъ, но по общимъ результатамъ, достигнутымъ походомъ. Съ этой же точки зрѣнія неудачное движеніе генерала Черняева отъ Чиназа до Джузака не имѣетъ значенія, точно такъ же какъ не имѣетъ значенія и первое его обратное движеніе отъ Чимкента (лѣтомъ 1864 г.) или отступленіе отъ Ташкента (осень 1864 г.). Мы только потому останавливаемся на этомъ предметѣ, что въ *Замѣткахъ по среднеазіатскому вопросу* нѣсколько разъ весьма настойчиво указывается на эту неудачу (стр. 37, 48, 55, 59 и т. д.), и въ связи съ нею рисуются послѣдующія затрудненія края. Внимательный читатель въ самой книгѣ, впрочемъ, найдетъ достаточно сильныя опроверженія такому воззрѣнію. Какъ ни неразвиты Азіятцы, однако нельзя отрицать въ нихъ на столько здравого смысла, чтобы они не могли приблизительно вѣрно сопоставить многіе блестящіе подвиги съ походомъ просто безцѣльнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, походъ подъ Джузакъ не слѣдовало предпринимать, если не имѣлось въ виду военныхъ дѣйствій съ Бухарой; когда же онъ былъ предпринятъ, и военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ оказались нежелательны, то русскому отряду и пришлось идти назадъ. Походъ этотъ уже потому не былъ военною неудачей, что онъ не сопровождался никакими военными дѣйствіями; происшедшія стычки объяснялись недоразумѣніемъ, а бухарскій эмиръ приказалъ даже жителямъ снабжать нашъ отрядъ необходимыми продуктами. Приписывать послѣдовавшую затѣмъ войну съ Бухарой этому походу значило бы совершенно не обращать вниманія на всѣ предшествовавшія дѣйствія Бухары и положеніе занимаемое ею въ Средней Азіи. Что русское вліяніе въ краѣ нисколько не ослабло немедленно послѣ этого похода, тому служатъ доказательствомъ послѣдовавшее затѣмъ занятіе зачирчикскаго края и разореніе Чардары, и полное спокойствіе

въ Ташкентѣ, гдѣ не нашли отголоска происки бухарскаго эмира.

Вообще надо сказать, что экспедиціи генерала Черняева отличались отъ предыдущихъ рѣшимостію и отвагой. Послѣ его дѣятельности мы стали совсѣмъ иначе смотрѣть на силы Среднеазіатцевъ. Изъ походовъ, предшествовавшихъ походу генерала Черняева, однимъ изъ значительнѣйшихъ былъ походъ полковника Циммермана въ 1860 году, когда были заняты крѣпостцы Токмакъ и Пишпекъ. Нашъ отрядъ имѣлъ численностію 59 офицеровъ и 2.178 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Военные успѣхи, одержанные этимъ отрядомъ, были взятіе двухъ названныхъ крѣпостей, причемъ одна изъ нихъ, Токмакъ, сдалась на слѣдующее утро по приходѣ войска, и въ ней было найдено всего 70 человекъ (остальные разбѣжались), изъ коихъ многіе имѣли при себѣ женъ и дѣтей. Крѣпость была обнесена глиняною стѣной и имѣла цитадель такой прочности, что выстрѣлы $\frac{1}{4}$ пудоваго единорога пробивали стѣну цитадели насквозь. На предложеніе о сдачѣ комендантъ по первому слову отвѣчалъ, что опасаясь коканскаго правительства, онъ не можетъ „ни сдать крѣпость“, „ни защищаться“. (Донесеніе полковника Циммермана 28-го августа 1860 г.) Другая крѣпостца, *Пишпекъ*, отстоявшая всего на 53 версты отъ Токмака, представляла четверугольникъ, имѣвшій въ сторонѣ 105 сажень, обнесенный глиняною стѣной. Всѣхъ людей въ крѣпости по сдачѣ ея оказалось 627 человекъ, въ томъ числѣ 80 торговцевъ и работниковъ, 63 женщины и 38 малолѣтнихъ дѣтей. Оружія въ крѣпости оказалось пять мѣдныхъ орудій пяти-фунтоваго калибра, 11 чугуновыхъ—фунтоваго и двухфунтоваго калибра, 49 крѣпостныхъ ружей, въ родѣ стариннымъ пищалей, и 367 кремневыхъ и фитильныхъ ружей и мушкетеновъ самыхъ разнообразныхъ калибровъ. Объ этой-то крѣпости сказано было въ реляціи: „Нельзя было и думать объ овладѣніи ею открытою силой. Стѣны передней ограды усѣяны были людьми, изъ которыхъ многіе были въ красныхъ мундирахъ сарбазовъ. Я рѣшился вести правильные подступы къ Пишпеку, не видя средства овладѣть этою крѣпостію.“ (Донесеніе полковника Циммермана 5-го сентября 1860 г.) И дѣйствительно, противъ этой крѣпости начали вести правильные подступы, а для службы въ цѣпи и прикрытія въ ночное время траншейныхъ работъ

были заведены „севастопольскіе порядки“. Непривыкшіе тянуть дѣло, Кокандцы сдались сами, послѣ того какъ по нимъ было выпущено 954 артиллерійскихъ снаряда и 12.869 патроновъ. Въ числѣ трофеевъ послѣ взятія крѣпости поименована, между прочимъ, на видномъ мѣстѣ, *сѣкира* коканскаго офицера Атабека Датхи.

Совершенно иной характеръ имѣютъ дѣйствія нашихъ отрядовъ съ 1860 года. Весьма значительный пунктъ Ауліету генералъ Черняевъ взялъ штурмомъ (у непріятели 307 убитыхъ, 390 раненыхъ и 341 плѣнныхъ). Подъ Чемкентомъ наши отряды соединились 19-го сентября, а 21-го Чемкентъ взятъ 10½ ротами и 2½ сотнями казаковъ нечаяннымъ нападеніемъ. Ташкентъ, городъ съ 100.000 населеніемъ, взятъ штурмомъ отрядомъ не имѣвшимъ и 2.000 чел. Отважная, выходящая изъ обыкновенныхъ размѣровъ, рѣшимость небольшого отряда въ этомъ случаѣ всякому понятна. Несомнѣнно, что каждый солдатъ въ этомъ случаѣ, не говоримъ объ офицерахъ, сознавалъ, что въ случаѣ неудачи штурма отряду грозитъ уничтоженіе. Менѣе рѣшительный шагъ, но все же весьма значительный, сравнительно съ предыдущимъ; составляетъ и взятіе Туркестана генераломъ Веревкинымъ. Военными дѣйствіями генерала Черняева выработались несравнимыя войска, тѣ самыя, которыми во всѣхъ своихъ послѣдующихъ донесеніяхъ не можетъ достаточно похвалиться генералъ Романовскій. При помощи этихъ войскъ, героев Ташкента, съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ край, генералъ Романовскій одерживаетъ блестящую побѣду подъ Ирджаромъ и беретъ Ходжентъ. Уже послѣ первой стычки подъ Мурза-Рабатомъ генералъ Романовскій былъ восхищенъ боевою опытностію и отвагой войскъ (*Запѣтки*, стр. 54, 55), и чувство это усиливалось послѣ каждаго новаго дѣла. По нашему мнѣнію, эта выработка войскъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ двухлѣтнихъ дѣйствій генерала Черняева, тѣмъ болѣе что въ началѣ экспедиціи это были неопытныя войска, быть-можетъ, уже способныя къ перенесенію трудовъ, но въ военномъ отношеніи не шедшія далѣе Токмака и Пшпекка.

Еще до движенія генерала Черняева въ бухарскіе предѣлы, вопросъ объ его отозваніи былъ рѣшенъ, и въ то время когда онъ находился подъ Джузакомъ лицомъ къ лицу съ бухар-

скими войсками, 10-го февраля, генералъ Романовскій, сопровождавшій генерала Крыжановскаго въ его поѣздкѣ въ Ташкентъ осенью 1865 года и бывшій докладчикомъ въ Петербургѣ со стороны оренбургскаго генералъ-губернатора о положеніи дѣлъ во вновь завоеванномъ, генераломъ Черняевымъ, край, былъ назначенъ на мѣсто этого послѣдняго и выѣхалъ изъ Петербурга (*Запѣтки*, стр. 35 и 39). 27-го марта генералъ-маіоръ Романовскій вступилъ въ командованіе войсками Туркестанской области и управленіе краемъ, а генералъ Черняевъ, узнавшій, по пріѣздѣ новаго военного губернатора, о своей смѣнѣ, отправился въ Петербургъ.

Результатомъ двухлѣтней дѣятельности генерала Черняева было занятіе обширнаго края, дотолѣ почти невѣдомаго. Ташкентъ, центръ среднеазиатской торговли и ключъ къ рѣшительному вліянію на сосѣднія ханства, сдѣлался русскимъ городомъ. Притомъ всѣ эти завоеванія были взяты генераломъ на свою личную отвѣтственность: правительство имѣло въ виду лишь соединеніе сибирской линіи съ оренбургскою, чрезъ Ауліету и Сузакъ, а вовсе не завоеваніе большей части Коканскаго ханства, но занятіе вновь завоеваннаго края давало съ перваго раза столь значительныя выгоды, что правительство вполне одобрило всѣ дѣйствія генерала Черняева. Генералъ Черняевъ далъ первый, рѣшительный толчокъ нашей дѣятельности въ Средней Азіи, послѣ котораго ни полумѣры, ни нерѣшительность уже невозможны.

Завоеваніе Туркестана произошло при обстоятельствахъ весьма тяжелыхъ: въ войскахъ чувствовался постоянный недостатокъ, въ деньгахъ еще болѣе, людей, способныхъ занять мѣста по управленію, почти не было. Наконецъ, война велась въ край дотолѣ почти невѣдомомъ, и военачальникъ постоянно долженъ былъ бороться съ мыслию, что дѣйствія его не будутъ одобрены правительствомъ, и онъ можетъ подвергнуться тяжелой отвѣтственности. Какъ велики были денежные затрудненія, можно отчасти видѣть изъ слѣдующихъ строкъ донесенія генерала Черняева отъ 12-го января 1866 года.

„Довольствіе провіантомъ испрашиваемый баталіонъ найдетъ на мѣстѣ, но деньги на его прочее довольствіе и жалованье необходимо съ нимъ отпустить, тѣмъ болѣе, что сюда пришли два баталіона совершенно безъ конѣйки, и фискальныя средства Туркестанской области въ положеніи

болѣе нежели отчаянномъ. Мои неоднократныя и давнишнія, по этому предмету, представленія и личныя заявленія вашему превосходительству до сихъ поръ остаются почти безъ послѣдствій.

„Присланныхъ 100.000 рублей далеко не достанетъ на удовлетвореніе войскъ за прошлое время; за купленный въ долгъ провіантъ и фуражъ платить нечѣмъ, нашъ кредитъ въ странѣ подорванъ, и моимъ распискамъ уже не вѣрятъ.

„При такомъ состояніи нашего кредита бумажныя деньги, до его поднятія, въ употребленіе здѣсь войти не могутъ, а посему покорнѣйше прошу о присылкѣ денегъ на все слѣдующее довольствіе имѣющимъ прибыть сюда войскамъ по 1-е января 1867 года, не иначе какъ монетою.

„Представляя съ полною откровенностію положеніе здѣшнихъ дѣлъ, я увѣренъ, что ваше превосходительство окажетъ мнѣ всевозможное содѣйствіе для поддержанія чести и достоинства Россіи въ Средней Азіи. Во всей области и въ Ташкентѣ все покойно.“

Генералъ Романовскій пишетъ, что когда онъ прибылъ въ область, то въ отрядѣ онъ не нашелъ положительно никакихъ суммъ, и до прибытія слѣдовавшаго за нимъ транспорта вынужденъ былъ, на самыя неотложныя военныя надобности, тратить сперва деньги изъ собственныхъ средствъ, а потомъ занять у прибывшаго съ нимъ въ область флигель-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Въ нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ на казенныя надобности были израсходованы даже частныя пересылочныя суммы (*Запѣтки*, стр. 51 и 49).

Къ денежнымъ затрудненіямъ надо прибавить болѣзненность между нижними чинами. Въ мартѣ 1866 года она доходила до того, вслѣдствіе продолжительной жизни въ землянкахъ въ Ташкентѣ и труднаго похода подъ Джузакъ, что въ день заболѣвало до 25 человекъ изъ числа 2.000, составлявшихъ главный отрядъ (14 ротъ, пять сотенъ и 18 орудій). Въ *Запѣткахъ по среднеазиатскому вопросу* мы находимъ, также въ описаніи состоянія области весною 1865 года, когда генералъ Романовскій прибылъ въ нее, къ сказанному нами, еще и чрезмѣрный недостатокъ лицъ по гражданскому управленію краемъ. Изъ 18 должностей, полагавшихся по штатамъ и признававшихся крайне необходимыми, было дѣйствительно занято служащими лишь восемь, да и изъ нихъ только пять были замѣщены лицами, окончательно на нихъ назначенными и успѣвшими вполне ознакомиться съ дѣломъ. Прочіе же служащіе, вмѣсто назначенныхъ для нихъ

должностей, временно исправляли другія должности, на которыя испрашивались или предназначались другія лица. Не трудно понять, на сколько вообще возможенъ былъ, при подобномъ недостаткѣ служащихъ, ближайшій дѣятельный контроль надъ всѣмъ происходившимъ въ новомъ неустроенномъ краѣ. Г. Романовскій объясняетъ также и причины денежной неурядицы.

„Быстрое, непредвидѣнное со стороны высшаго правительства, занятіе Ташкента было причиной, говоритъ онъ, что на предпріятіе это, въ свое время, никакой ассигновки сдѣлано не было, а потому мѣстное начальство, на встрѣчавшіеся необходимыя военныя расходы, а также на постройку укрѣпленій, казармъ, лазаретовъ и прочаго, должно было употребить суммы, ассигнованныя на другіе предметы. Не трудно себя представить, какую запутанность должно было породить это въ денежныхъ счетахъ, въ особенности если къ сказанному прибавить, что самое число служащихъ въ области далеко уже не соответствовало развившимся въ немъ потребностямъ. Штаты служащихъ по гражданскому и военному управленіямъ были опредѣлены при границахъ области только по Чимкенту и по числу войска, которое полагалось тогда достаточнымъ. Да и эти штаты, въ числѣ ихъ и интендантство, утверждены были только во второй половинѣ 1865 года, слѣдовательно могли получить примѣненіе на дѣлѣ только въ 1866 году. Съ своей стороны, высшее правительство, не имѣя вѣрныхъ отчетовъ о произведенныхъ расходахъ, не могло, конечно, дѣлать никакихъ ассигновокъ на ихъ покрытіе, а между тѣмъ, пока составлялись эти отчеты, были начаты новыя военныя дѣйствія, также непредвидѣныя, и на которыя опять-таки приходилось брать деньги изъ первыхъ попадавшихся суммъ.“

Всѣ эти затрудненія, съ которыми приходилось бороться генералу Черняеву, не зависѣли отъ него и приносятъ ему большую честь; несмотря на нихъ, духъ войска былъ образцовый, и довѣріе ихъ къ начальнику безпредѣльное. Мѣстное населеніе оставалось какъ нельзя болѣе спокойнымъ и выражало не только покорность, но и преданность новой власти. Именно преданность—это не преувеличено; достаточно вспомнить содѣйствіе Ташкентцевъ къ упроченію порядка и русской власти, или, годомъ ранѣе, самоотверженное сопротивленіе селенія Иканъ, только что поступившаго въ подданство Россіи, при набѣгѣ Кокандцевъ. Духъ войска, очевидно, поддерживался важными успѣхами, одержанными въ столь

короткое время мужествомъ начальствующаго генерала, и сознаниемъ войскъ, что дѣятельность ихъ приноситъ несомнѣнную пользу общей родинѣ—Россіи. Войска не могли не симпатизировать взглядамъ генерала Черняева. Въ одномъ изъ донесеній своихъ онъ писалъ: „Если ходатайство мое о новой присылкѣ войскъ (онъ просилъ прислать одинъ линейный баталіонъ и трехъ-баталіонный полкъ) будетъ принято во вниманіе, то за оставленіемъ необходимыхъ гарнизоновъ по всѣмъ укрѣпленіямъ, я въ состояніи буду выдвинуть въ поле пять баталіоновъ при двухъ съ половиной батареяхъ, то-есть такую силу, которая дастъ правительству возможность распоряжаться судьбой Средней Азии по своему усмотрѣнію.“ (Донес. отъ 6-го августа 1865 г.) И въ другомъ донесеніи: „Страна въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ занятая имѣетъ всѣ средства для самобытнаго существованія, и изъ Россіи, кромѣ снарядовъ и пороху, ничего не требуется.“

При такихъ условіяхъ завоеваніе могло доставить намъ только выгоды, не требуя особенныхъ жертвъ людьми и со-вѣтъ, или почти совѣтъ, не требуя денегъ, единственная условія, при которыхъ мы можемъ не отвергнуть азіатскихъ завоеваній.

Въ *Замѣткахъ* мы находимъ между прочимъ, что при пріѣздѣ генерала Романовскаго въ край между жителями было уже замѣтно разочарованіе къ русской власти: „край входилъ въ періодъ разочарованія“. Далѣе объясняется, что и на Кавказѣ, въ Крыму и Оренбургскомъ краѣ „новыя, болѣе гуманная начала, которыя вносила русская власть въ самое первое время завоеванія, сразу же доставляли ей массу приверженцевъ, но вскорѣ за тѣмъ, подъ вліяніемъ прежнихъ первостепенныхъ лицъ края, начиналась внутренняя борьба и какъ бы періодъ разочарованія“. Мы не знаемъ, конечно, когда наступитъ періодъ разочарованія для Средней Азии, но многія свидѣтельства, которыя мы имѣемъ, и масса очевидцевъ описываемыхъ событій могутъ удостовѣрить, что онъ не наступалъ не только въ 1866 году, но не думаетъ наступать и въ настоящее время.

Достаточно припомнить, что было выражаемо о времени 1865 года депутаціей изъ Туркестанскаго края въ Петербургъ, въ ея пріѣздѣ въ началѣ 1867 года, а также спокойное и быстрое введеніе генераломъ Кауфманомъ новыхъ

положеній по управленію краемъ и отсутствіе какихъ-либо волненій въ краѣ за минувшіе года, чтобы убѣдиться въ этомъ. Если же взять въ соображеніе быстрое занятіе въ минувшемъ маѣ генераломъ Кауфманомъ Бухарскаго ханства, почти безъ выстрѣла (дѣло 1-го мая слишкомъ значительно), то можно почти безошибочно сказать, что русская власть является до сихъ поръ слишкомъ привлекательною для Средне-Азіятцевъ. Русская власть принесла въ Среднюю Азію гарантію жизни и гарантію имущества, два драгоцѣннѣйшія блага для человѣка, безъ которыхъ не мыслима разумная жизнь, блага почти невѣданныя въ ханствахъ. Впрочемъ, и въ самой книгѣ г. Романовскаго встрѣчается не одинъ фактъ, не согласующійся съ высказаннымъ имъ мнѣніемъ (адресъ поданный Ташкентцами 11-го іюня 1866 года). Ташкентъ не былъ принятъ въ подданство цѣлый годъ послѣ его покоренія, и цѣлый годъ онъ настойчиво хлопоталъ объ этомъ. 17-го августа 1866 г. Ташкентцы подали адресъ, въ которомъ просили привести ихъ наконецъ въ подданство.

Въ адресѣ этомъ они писали:

„Хотя мы находимся подъ высокимъ покровительствомъ Бѣлаго Царя еще не болѣе одного года, но и въ этотъ короткій промежутокъ времени мы успѣли понять какъ велико то счастье, которое намъ уже доставлено, потому что вѣра наша осталась непркосновенною; медресе наши поддерживаются и процвѣтаютъ, устроены медресы, который, дѣйствуя правдиво, безкорыстно и безпристрастно, рѣшаетъ дѣла наши совершенно согласно съ правилами нашей религіи и по народнымъ обычаямъ; не обременены мы никакими незаконными поборами, ни отъ кого обидъ и притѣсненій не видимъ; въ заключеніе же всего смѣемъ увѣрить ваше превосходительство (генерала Крыжановскаго), что послѣ пораженія, которое нанесено войскамъ эмира Бухарскаго, какъ у насъ, такъ равно во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ, царствуетъ совершенная тишина и спокойствіе, чего въ прежнія времена не было.“

„Несмотря на все это благополучіе, мы невольно опасаемся мысли, что еслибы, сверхъ нашего ожиданія, по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, русскія войска были выведены изъ ташкентской территоріи, то опять могутъ возобновиться тѣ ужасы, угнетенія и насилія, которыя мы испытывали до прихода Русскихъ, почему осмѣливаемся прибѣгнуть къ вамъ съ нижайшею и всепокорнѣйшею просьбою: не откажитесь, ваше превосходительство, избавить насъ разъ навсегда отъ этихъ страшныхъ мыслей и успокойте насъ, что могущественный и милосердый Бѣлый Царь смо-

трить на насъ какъ на дѣтей своихъ и какъ на прочихъ своихъ вѣрноподданныхъ.

„Въ одномъ морѣ не бываетъ двухъ морей, слѣдовательно, и въ одномъ государствѣ тоже не можетъ быть двухъ государствъ, такъ примите же на себя ходатайство о присоединеніи къ Россіи и нашей области, какъ часть, навсегда ей принадлежащую, наравнѣ съ прочими частями Имперіи.“

Конечно, такой адресъ не былъ бы поданъ Ташкентцами, еслибы хотя на минуту ими овладѣла мысль о разочарованіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

І. ЛЬВОВЪ.

ИДІОТЪ*

РОМАНЪ.

(Посвящено Софьи Александровны Ивановой.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ІХ.

— Вы не станете, конечно, отрицать, началъ Гаврила Ардалионовичъ, прямо обращаясь къ слушавшему его изъ всѣхъ силъ Бурдовскому, выкатившему на него отъ удивленія глаза и очевидно бывшему въ сильномъ смятеніи, — вы не станете, да и не захотите, конечно, отрицать серьезно, что вы родились ровно два года спустя послѣ законнаго брака уважаемой матушки вашей съ коллежскимъ секретаремъ господиномъ Бурдовскимъ, отцомъ вашимъ. Время рожденія вашего слишкомъ легко доказать фактически, такъ что слишкомъ обидное для васъ и для матушки вашей искаженіе этого факта въ статьѣ господина Келлера объясняется одною только игривостью собственной фантазіи господина Келлера, полагавшаго усилить этимъ очевидность вашего права и тѣмъ помочь интересамъ вашимъ. Господинъ Келлеръ говоритъ, что предварительно читалъ вамъ статью, хоть и не всю... безъ всякаго сомнѣнія, онъ не дочиталъ вамъ до этого мѣста....

* См. Русскій Вѣстникъ №№ 1, 2, 4, 5 и 6.